

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Богатство и многообразие русской песни общеизвестны. Песня — постоянный друг и спутник русского человека. Нет ни одной стороны жизни нашего народа, которая не нашла бы своего отражения в песне. В песне народ выражает свою радость, печали, песни сопровождают его труд и отдых. В народных песнях воспеваются любовь и прелестность родине, красота и простор русской природы, шумные леса, широкие луга и могучие реки родной земли:

Русь, в песне ты могучая,
Широка и глубока,
И свободна и пречиста.
И привольна и звонка.

Вся славная история русского народа, его геронические подвиги запечатлены в песне. Еще Дмитрий Донской, подготовивший русский народ к освободительной войне с татарами, широко использовал песни и быльи, содержание которых он сам подсказывал певцам и гуслярам: «Надобно петь так, чтобы от татар путь лежал», — говорил он.

Выдающийся знаток русского музыкального фольклора М. Пятницкий назвал народную песню «художественной летописью народа».

Русская народно-песенная и инструментальная культура всегда была, как и теперь, источником творческого вдохновения композиторов, поэтов, певцов, музыкантов.

Огромное влияние оказала русская песня на творчество величайших русских композиторов — Глинки, Мусоргского, Даргомыжского, Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова и др. Характерны слова Глинки: «Музыку сочиняет народ, а ее только аранжируют».

На почве народной песни выросли такие исключительные художники и мастера вокального искусства, как Шаляпин, Собинов, Григорий Пирогов, Нежданова и др. Высокие традиции русского хорового искусства также неразрывно связаны с народной песней.

Народ любит, бережно хранит и развивает свое замечательное песенно-музыкальное наследие.

С советской стране, где созданы широчайшие возможности для развития музыкального искусства, народная песня пользуется исключительным вниманием и питает самые разнообразные формы и жанры музыкального творчества и исполнительства.

В концертных организациях РСФСР насчитывается сейчас свыше 40 профессиональных хоровых коллективов. Среди них широко известные и любимые народом Государственный русский народный хор им. Пятницкого под руководством В. Захарова и П. Казынина, Краснознаменный ансамбль красноармей-

ской песни и пляски Союза ССР под руководством А. В. Александрова, Государственный хор русской песни под руководством А. Свищникова, Ленинградская государственная академическая капелла под руководством Г. Дмитриевского и другие.

Среди периферийных филармоний известны по своим выступлениям в Москве хор северной песни Архангельской филармонии, Русский народный хор Воронежской области, хор донских казаков и др.

За время Отечественной войны создано свыше 20 новых профessionально-хоровых коллективов, в репертуаре которых основное место занимает русская народная песня. Русская музика, пронагнали которой составляла всегда главную задачу в деятельности концертных организаций РСФСР, в период войны стала основой репертуара большинства коллективов, ансамблей и солистов.

Русская народная песня является вселенским гостем — она звучит в блиндаже и в землянке, в заброшенном клубе и цехе, в шахте и колхозном стаде.

Однако было бы неверно утверждать, что в области прогресса русской песни все обстоит хорошо.

Наш исполнитель еще далеко не всегда умеют раскрыть красоту и выразительность народной песни, глубокую органичность и значительность ее музыкально-поэтического текста. На эстраде, созадении, еще часто дают себя чувствовать и примитивный псевдоэтнографизм, обделяющий народную песню, и другие традиции эстрадного «шанска».

Чувство досады вызывают и некоторые «обработки» народных песен. Известны случаи, когда хорошие песни, после того, как к ним присоединяется рука композитора, становятся просто неизвестными.

Серьезный недостаток работы хоровых коллективов, ансамблей и солистов-исполнителей — ограниченность репертуара. В большинстве случаев они исполняются пустыньчики хорошие, но одни и те же песни.

Привлек внимание художественной общественности к задачам дальнейшего развития народно-песенной культуры, повышению уровня исполнения и качества художественной обработки народной песни, обогащению репертуара исполнителей, собиранию изучению русского музыкального фольклора — таковы цели Всероссийского смотра хоровых коллективов, вокальных ансамблей и солистов-исполнителей русской народной песни.

Всероссийский смотр должен стать не только творческим отчетом о проделанной за время войны работе в области популяризации русской народной песни, но и огромным стимулом для дальнейшего расцвета русской национальной музыкальной творчества и исполнительства.

В концертных организациях РСФСР насчитывается сейчас свыше 40 профессиональных хоровых коллективов. Среди них широко известные и любимые народом Государственный русский народный хор им. Пятницкого под руководством В. Захарова и П. Казынина, Краснознаменный ансамбль красноармей-

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

«СЫНОВЬЯ ТРЕХ РЕК» В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ

Эскиз В. РЫНДИНА.

Фото С. ШИНГАРЬЕВА.

минания об исторических руслах, по которым течет жизнь народов, как некий струящий поток человеческих судеб, народных дум, общественных течений.

Волжанин Алексей, молодой советский учитель, полон гордой и торвической уверенности в том, что завтрашний день, в котором он будет со своей необъятной страной вместе со всеми людьми, будет днем большого человеческого счастья. Он работает, учит детей, глядя и не наглядя на родную свою Волгу и на кругом берегу ее сдержанной пылкостью обнимает любимую девушку, та же, как и он, тянущуюся к солнцу, гибкую, упрямую и всем своим существом радиущуюся жизнью.

Сверстник Алексея — парижанин Андре — порывистый, восторженный, может быть, слегка бездумный, на укором скамье, на набережной Сены, плечом к плечу со своей возлюбленной мечтает о своем неизвестном будущем — для основного героя пьесы — для Алексея — таких деталей, характеристики, особенностей почти не оказалось. Искренне и общее одобрение автора, безусловно, любящего своего героя, смешано с легкой опаской, напоминающей слишком многих молодых людей, которые так часто действуют в наших пьесах и спектаклях. Мы верим в его благородство, в его отвагу, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей душой. Но если Гусев заставил нас серьезно задуматься над французом врагом, показав, как сложно сочетается в этом самоуверенном солдате плотоядная нежность своей жене и мэрзкая грубость в обращении с русской девушкой, сомневаемся, что даже самые убийственные, подкладывающиеся из пыла ребячек, спящего в русской избе; если суровые, жесткие слова и саркастические характеристики автора заново возвращаются перед нами втрахе, — то говорят о своем герое, мало нового сообщают нам поз. Несомненно, этот недостаток, простиравший уже при работе театра над пьесой, был бы устранен и восполнен, если бы смерть не остановила работу Гусева над пьесой. Театр всеми доступными средствами постарался «дополнить» образ героя, усилив его звучание в спектакле.

Охлопков поставил пьесу Гусева со свойственным ему театральным темпераментом, любовью к широким пластическим обобщениям и хорошей смелостью. В работе постановщика чувствуется настоящее творческое увлечение. Пьеса ставлена перед режиссером огромные трудности при воплощении ее в театральном действии. Символические фигуры трех героям должны были найти место среди реальных персонажей. Действие сменяется на события со всей прямолинейностью первого отклика. Не могла она появиться и во второй переходе, когда искусство нашей было отмечено некоторой дробостью и эпизодичностью материала, а фамильным мечом, который ему вручен кинжалами предками, он обязан проклонять кровавый путь сквозь «суету французов» и «темное безмолвие славян» к владычеству над миром.

И вот падают на набережную Сены тревожные листвики, и сирены взвыают над парижскими бульварами. Синевы Эльбы с барабанным ритмом топают по набережным Сены. Занимается зарево над Волгой. Мы видим мир в огне, мы видим земной шаг, обитый великой бедой войны, которую залумили и зачили в фамильных альбомах у Эльбы.

Так построена пьеса Виктора Гусева, своеобразный драматический триптих. Такая пьеса не могла бы появиться в первые дни войны, когда писатель, поэт, драматург отмечался на событиях со всей прямолинейностью первого отклика. Не могла она появиться и во второй переходе, когда искусство нашей было отмечено некоторой дробостью и эпизодичностью материала, а фамильным мечом, который ему вручен кинжалами предками, он обязан проклонять кровавый путь сквозь «суету французов» и «темное безмолвие славян» к владычеству над миром.

И вот падают на набережную Сены тревожные листвики, и сирены взвыают над парижскими бульварами. Синевы Эльбы с барабанным ритмом топают по набережным Сены; третий, Фридрих, одержимый мыслью о покорении мира, учились маршировать над Эльбой, струи которой заставили отразившийся в них «русского ефрейтора мундир». И нам дано проследить судьбы трех этих сверстников, сыновей трех рек. Монументальные поэтические образы Волги, Сены и Эльбы, как обобщенные символы материальности, живут в пьесе, участвуют в действиях наравне с другими персонажами спектакля. Реки выступают здесь не как географические факты, в духе, скажем, Энеле

и Рекко, но как поэтические напо-

Е. Самойлов в роли Алексея.

СТАТЬЯ ПУБЛИКУЕТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ.

фашистского концлагеря, куда его раненым заключили немцы. Он слышит голос Волги, матери своей, зовущей себе, заклинающей все сибирские природы помочь беглецу. Он бежит по израненной земле Европы, он полетел через реки и кусты, его сечет дождь, никакие тучи скрывают его от самолетов, молнии освещают ему путь к свободе, он бежит, падает, подымается, падает, карабкается, пока врачающаяся плащадка сцены не выносит ему настремчу сторожевой пост с красноармейцем.

Финал спектакля оказался несколько более слабым, в сравнении с концовками двух первых актов. Здесь тоже оказалось отсутствие автора при последних необходимых делах спектакля. Но все же тема великого победного наступления Красной Армии, грозы, карающей врага, олицетворяющейся вождем, открывшей дорогу к солнцу, выразительно промчалась в конце спектакля.

Актёры спектакля разыграли не совсем ровно.

С. Чечеслов, играющий Фридриха, дал очень точный, запоминающийся, умный и своеобразный портрет врага. (Имея криклив в своем злодействе, он — мрачный позер, человек, душу которого до дна выела хищная, высокомерная жестокость, возведенная в степень пошлой доблести. Чудесно играет М. Бабанова национальную француженку Мари. Это одна из самых ярких актерских удач спектакля. Изицкая, пленительно лукавая, женственная, любящая и радиующаяся своей любовью, маленькая парижанка, то безумно упомянута в спектакле, то раздвинутая голodom и одиночеством, то мистица за свое поруганное человеческое достоинство и за позор своей родины. С мастерством, глубоко потрясающим зрителя, проводят Бабанова сцену с М. Штраухом (Вильгельмом), когда в его отчаге, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей душой. Но если Гусев заставил нас серьезно задуматься над французом врагом, показав, как сложно сочетается в этом самоуверенном солдате плотоядная нежность своей жене и мэрзкая грубость в обращении с русской девушкой, сомневаемся, что даже самые убийственные, подкладывающиеся из пыла ребячек, спящего в русской избе; если суровые, жесткие слова и саркастические характеристики автора заново возвращаются перед нами втрахе, — то говорят о своем герое, мало нового сообщают нам поз. Несомненно, этот недостаток, простиравший уже при работе театра над пьесой, был бы устранен и восполнен, если бы смерть не остановила работу Гусева над пьесой. Театр всеми доступными средствами постарался «дополнить» образ героя, усилив его звучание в спектакле.

Волжанин Алексей играет Е. Сарычев. Обаятельный, простой, сердечный, он быстро завоевывает симпатии зрителя. Но материал роли не позволяет артисту создать большой и оригинальный образ. Т. Карпов, играющая его подругу Александру, хороша лирическими сценами. Слава ее звучит в ее чистоте и обаянии, ее ей присущему глубокому уважению к своему героям, ее чистоте и обаянию. Е. Сарычева, наоборот, глубоко потрясающим зрителя, проводят Бабанова сцену с М. Штраухом (Вильгельмом), когда в его отчаге, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей душой. Но если Гусев заставил нас серьезно задуматься над французом врагом, показав, как сложно сочетается в этом самоуверенном солдате плотоядная нежность своей жене и мэрзкая грубость в обращении с русской девушкой, сомневаемся, что даже самые убийственные, подкладывающиеся из пыла ребячек, спящего в русской избе; если суровые, жесткие слова и саркастические характеристики автора заново возвращаются перед нами втрахе, — то говорят о своем герое, мало нового сообщают нам поз. Несомненно, этот недостаток, простиравший уже при работе театра над пьесой, был бы устранен и восполнен, если бы смерть не остановила работу Гусева над пьесой. Театр всеми доступными средствами постарался «дополнить» образ героя, усилив его звучание в спектакле.

Актёры спектакля разыграли не совсем ровно.

С. Чечеслов, играющий Фридриха, дал очень точный, запоминающийся, умный и своеобразный портрет врага. (Имея криклив в своем злодействе, он — мрачный позер, человек, душу которого до дна выела хищная, высокомерная жестокость, возведенная в степень пошлой доблести. Чудесно играет М. Бабанова национальную француженку Мари. Это одна из самых ярких актерских удач спектакля. Изицкая, пленительно лукавая, женственная, любящая и радиующаяся своей любовью, маленькая парижанка, то безумно упомянута в спектакле, то раздвинутая голodom и одиночеством, то мистица за свое поруганное человеческое достоинство и за позор своей родины. С мастерством, глубоко потрясающим зрителя, проводят Бабанова сцену с М. Штраухом (Вильгельмом), когда в его отчаге, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей душой. Но если Гусев заставил нас серьезно задуматься над французом врагом, показав, как сложно сочетается в этом самоуверенном солдате плотоядная нежность своей жене и мэрзкая грубость в обращении с русской девушкой, сомневаемся, что даже самые убийственные, подкладывающиеся из пыла ребячек, спящего в русской избе; если суровые, жесткие слова и саркастические характеристики автора заново возвращаются перед нами втрахе, — то говорят о своем герое, мало нового сообщают нам поз. Несомненно, этот недостаток, простиравший уже при работе театра над пьесой, был бы устранен и восполнен, если бы смерть не остановила работу Гусева над пьесой. Театр всеми доступными средствами постарался «дополнить» образ героя, усилив его звучание в спектакле.

Волжанин Алексей играет Е. Сарычев. Обаятельный, простой, сердечный, он быстро завоевывает симпатии зрителя. Но материал роли не позволяет артисту создать большой и оригинальный образ. Т. Карпов, играющая его подругу Александру, хороша лирическими сценами. Слава ее звучит в ее чистоте и обаянии, ее ей присущему глубокому уважению к своему героям, ее чистоте и обаянию. Е. Сарычева, наоборот, глубоко потрясающим зрителя, проводят Бабанова сцену с М. Штраухом (Вильгельмом), когда в его отчаге, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей душой. Но если Гусев заставил нас серьезно задуматься над французом врагом, показав, как сложно сочетается в этом самоувереном солдате плотоядная нежность своей жене и мэрзкая грубость в обращении с русской девушкой, сомневаемся, что даже самые убийственные, подкладывающиеся из пыла ребячек, спящего в русской избе; если суровые, жесткие слова и саркастические характеристики автора заново возвращаются перед нами втрахе, — то говорят о своем герое, мало нового сообщают нам поз. Несомненно, этот недостаток, простиравший уже при работе театра над пьесой, был бы устранен и восполнен, если бы смерть не остановила работу Гусева над пьесой. Театр всеми доступными средствами постарался «дополнить» образ героя, усилив его звучание в спектакле.

Актёры спектакля разыграли не совсем ровно.

С. Чечеслов, играющий Фридриха, дал очень точный, запоминающийся, умный и своеобразный портрет врага. (Имея криклив в своем злодействе, он — мрачный позер, человек, душу которого до дна выела хищная, высокомерная жестокость, возведенная в степень пошлой доблести. Чудесно играет М. Бабанова национальную француженку Мари. Это одна из самых ярких актерских удач спектакля. Изицкая, пленительно лукавая, женственная, любящая и радиующаяся своей любовью, маленькая парижанка, то безумно упомянута в спектакле, то раздвинутая голodom и одиночеством, то мистица за свое поруганное человеческое достоинство и за позор своей родины. С мастерством, глубоко потрясающим зрителя, проводят Бабанова сцену с М. Штраухом (Вильгельмом), когда в его отчаге, мы разделяем все его лучшие чувства и, конечно, стоим за него, всей д

ТОСТ ЗА ЖИЗНЬ

В. Яхонтов в своей новой композиции «Тост за жизнь», впервые исполненной на днях в московском Доме учёных, очень удачно смонтировал ряд отрывков и цитат из произведений Б. Горбатова, М. Телевела, В. Гроссмана, О. Бергольц, Г. Фиши. Все они утверждают величие духа советского народа, который наносит смертельные удары гитлеровскому зверю.

В композиции В. Яхонтова шесть частей. Артист произносит шесть зволовленных тостов: за жизнь, за любовь, за героизм, за советского человека; за его большое, щедрое сердце.

Для большинства частей В. Яхонтов находит мягкие, лирические тона, подчеркивая в них благородство мыслей и поступков советских людей. Это не парадные тосты, а искренние, простые слова о животворящем силе товарищеского участия, ласки и тепла.

Самый материал композиции «Тост за жизнь» побудил Яхонтова в значительной степени отказаться от публицистической манеры подачи текста, заменив ее лёгкой образов, придумав, наряду с образами драматическими и героическими, в творчестве артиста впервые появились и комические фигуры.

И бронебойщик Громов, свято верящий в силу своего огромного ружья-пушки, и генерал Правинников, любящий бой и охваченный воистором победы, и старшина Колечко, бесстрашно сражавшийся под Севастополем, — все они, точно живые, встают в воображении слушателей. Оттеняя в каждом из них индивидуальные, характерные черты, В. Яхонтов бережно, благородно и глубоко раскрывает их образы. Он сам пленен ими. И оттого столь искренно и убежденно звучат его тосты.

Деятельными «участниками» литературной работы В. Яхонтова являются композиторы Рахманинов, Бах, Шостакович и Лист, — их музыка, вдумчиво подобранная Е. Лайтер, мечтами иллюстрирует, но, главным образом, подкрепляет, эмоционально окрашивает текстовый материал. Так же роль призвана играть в общей композиции вечера и вокальный квартет Московской филармонии (М. Попов, С. Федотов, П. Игнатьев, Л. Рыбкин) — он то аккомпанирует Яхонтову, то раскрывает недосказаные им эпизоды.

Новая композиция В. Яхонтова и Е. Поповой (режиссура) — одна из наиболее интересных работ советских чтецов на военную тему.

Новые эстрадные программы

Для расширения эстрадного репертуара и повышения его идеино-художественного качества Комитет по делам искусств предложил ВГКО организовать закрытый конкурс на новые произведения различных эстрадных жанров, уделяя особое внимание произведениям о германском наступлении и победах Красной Армии, о мобилизации сила народа для окончательного разгрома врага.

Летом нынешнего года в Москве состоятся показы новых эстрадных программ и отдельных номеров, созданных за время войны. На центральных площадках будут проходить концерты молодых эстрадных исполнителей, показывающих творческий рост и умение работать над новым репертуаром.

При ВГКО организуется художественный совет в составе видных мастеров эстрады, авторов и композиторов.

Выставка произведений В. Кузнецова

В зале Московского творчества художников открылась 14 мая выставка произведений В. Кузнецова, устроенная Оргкомитетом Союза советских художников. Всекохудожником и Московским союзом художников, с связи с 70-летием В. Кузнецова и 40-летием его творческой деятельности.

Собранные в зале МТХ картины, портреты, пейзажи, натюрморты и акварели знакомят с отдельными этапами творческого пути автора.

Всего на выставке собрано свыше 80 работ В. Кузнецова.

М. ГУС «ПОЕДИНОК»

Комиссар государственной безопасности Зорин и капитан государственно-бахметьев вступили в борьбу с матерями немецкими разведчиками и диверсантами полковником Крашке и Петром.

С. Соловьев в роли капитана Бахметьева. Фото Е. Амчишевской.

Фото П. Фоктом, он же Петроусек, он же Петров. Петроусек пытается покинуть изобретателя нового вида оружия советского инженера Лентьева. Зорин и Бахметьев шагают разгадывают планы Петроусека, рвут расставленные им сети и после упорной и трудной борьбы

Перронный зал станции «Электрозаводская».

Проект архитекторов В. ГЕЛЬФРЕЙХА и И. ТОЖИНА. Фото Н. ФИГУРКИНА и Г. ШИРОКОВА. (Фотохроника ТАСС).

М. ИЛЬИН
Станция «Электрозаводская»

На Покровском радиусе Московского метро открылась станция «Электрозаводская». Ее авторы — профессор В. Гельфрейх и архитектор И. Рожин — хорошо справились с поставленной перед ними задачей: им удалось решить наземный павильон в едином стиле. Положительное впечатление усиливается еще тем, что авторы, положив в основу своей архитектуры классику, смело претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как претворили ее формы, разрывавшие русские, можно даже сказать московские, традиции.

Станция «Электrozаводская» по архитектуре стоит в одном ряду как со станциями покойного архитектора И. Фомина («Красные ворота») и «Площадь Свердлова», так и со знаменитыми произведениями московских зодчих ампира. Глядя на монументальную павильонную залу, невольно вспоминаешь такие прекрасные здания Д. Жилярия, как провинциальные склады на Крымской площади или павильон дачи «Студенческая».

Наземный белый вестибюль шестигранной формы внутри облицован красным грузинским мрамором «салмиери». Легкий язур золоченных решеток подчеркивает монументальность станции. Перронный зал в едином стиле с павильоном отличается горизонтальными полонками и карнизами, что усиливает их якобы и весомость.

Детали дорического ордера стен хорошо сочетаются с превосходными по силе рисунку решетками золоченой бронзы и настенных бразах.

Свод центрального зала покрыт цилиндрическими гуртами. Из срезы, обрамленные квадрупами, покрыты мрамором. Таким образом, перед взором зрителя, поднимающимся вверх, возникают в перспективе сокращающиеся линии одного рисунка. При спуске же вниз картина меняется. Моноглоссенные тонкие «полоски» мозаики, уходящие вниз, скрывают значительную противность эскалаторного спуска. Не зря же, что авторы, положив в основу своего впечатления, рассмотреть эту интересную игру архитектурного орнамента, как пр